

LADY
FANTASY

Стеклянный трон

•

Право на месть

•

Корона полуночи

•

Наследница огня

•

Королевство шипов и роз

•

Королевство нева и тумана

САРА ДЖ. МААС

КОРОЛЕВСТВО
ГНЕВА
И
ТУМАНА

Санкт-Петербург

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-445
М 12

Sarah J. Maas
A COURT OF MIST AND FURY
Copyright © Sarah J. Maas, 2016
All rights reserved
This edition published by arrangement with Bloomsbury USA
and Synopsis Literary Agency

Перевод с английского Игоря Иванова
Серийное оформление Ильи Кучмы
Оформление обложки Виктории Манацковой
Карта выполнена Юлией Каташинской

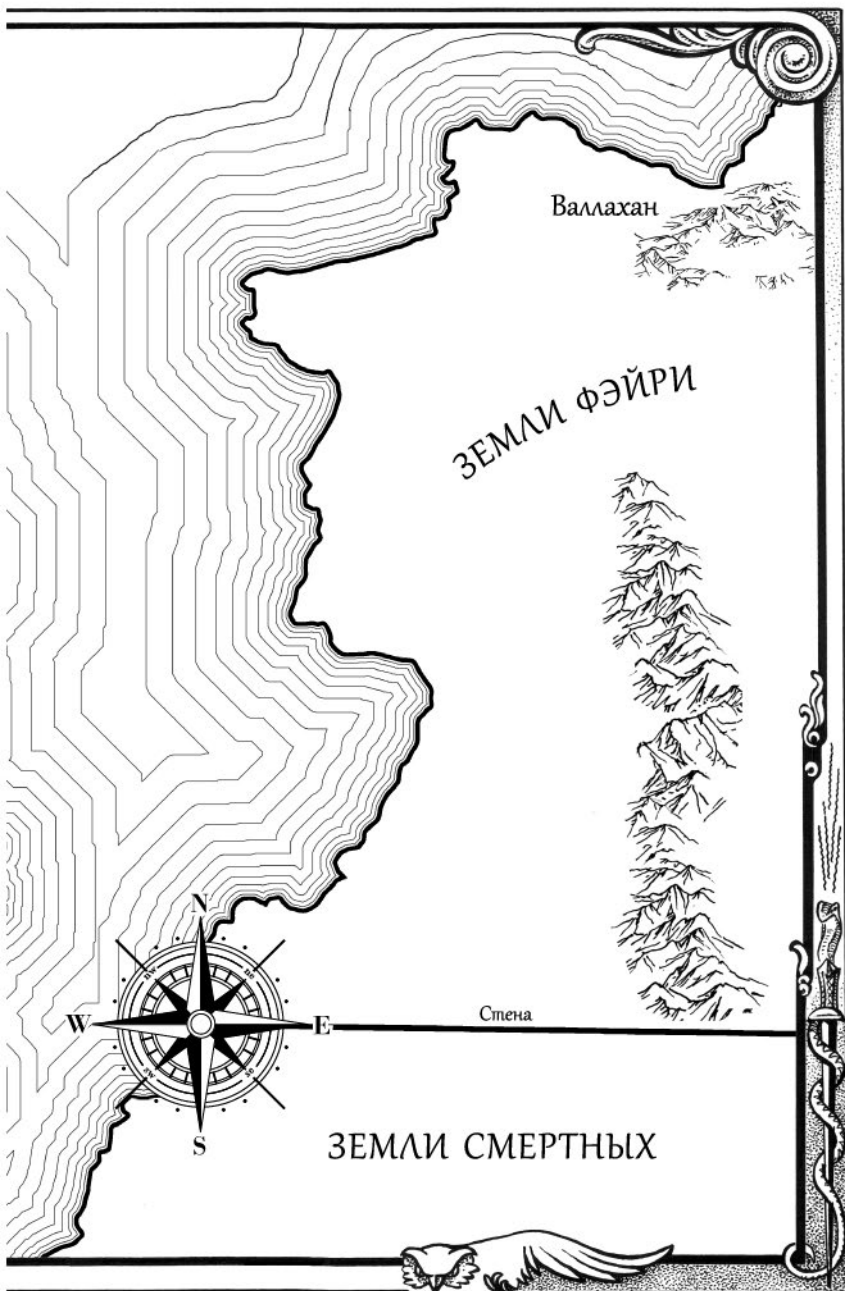
ISBN 978-5-389-12106-5

© И. Иванов, перевод, 2017
© Издание на русском языке,
оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“, 2017
Издательство АЗБУКА®

*Посвящается Джошу и Энни —
подданным моего личного Двора мечтаний*

ПРИТИАНИЯ

Возможно, в душе я всегда была сломленной. И темноты во мне тоже хватало.

Быть может, кто-то иной, родившийся более цельным и совестливым, взял бы кинжал из горной рябины и предпочел бы смерть тому, что меня ожидало.

Все вокруг было залито кровью.

Я с трудом удерживала эфес кинжала. У меня тряслась рука, перепачканная в чужой крови. Я буквально разваливалась на куски, а труп убитого мною фэйского юноши уже остывал на мраморном полу.

У меня не хватало сил отшвырнуть кинжал. Я не могла сдвинуться ни на шаг, продолжая стоять перед трупом.

— Хорошо, — одобрительно промурлыкала с высоты трона Амаранта. — Продолжай.

Меня уже ждал другой кинжал и другая жертва, застывшая на коленях. Женщина.

Я знала слова, которые она шептала. Фэйка читала молитву.

Я знала, что убью и ее, как перед этим убила парня.

Убью всех троих, только бы освободить Тамлина.

Я — истребительница невинных и спасительница страны.

— Не торопись, дорогая Фейра. Приступай, когда будешь готова, — растягивая слова, произнесла Амаранта.

Ее длинные черные волосы блестели, струясь по алому платью. Алому — как кровь на моих руках и на мраморном полу.

Убийца. Истребительница. Чудовище. Врунья. Обманщица.

Я не знаю, к кому относились эти слова. Границы между мною и самозваной королевой совсем размылись.

Мои пальцы разжались, и кинжал со стуком упал на пол, подняв брызги в расплывшейся луже крови. Часть капель попала на стоптанные сапоги, напоминавшие о моей смертной жизни. Та жизнь осталась настолько далеко, что вполне могла сойти за один из кошмарных снов, одолевавших меня в последние несколько месяцев.

Я взглянула на фэйку, ожидавшую смерти. Мешок на ее голове сполз набок, хрупкое тело не вздрагивало. Она приготовилась принять смерть от моей руки, принеся себя в жертву.

Я потянулась за вторым кинжалом, застывшим на бархатной подушечке, которую держал такой же застывший слуга. Моя влажная, жаркая ладонь сжала эфес, и он показался мне ледяным. Караульные сдернули мешок с головы обреченной фэйки.

Я узнала лицо, глядящее на меня.

Я знала эти серо-голубые глаза, золотисто-каштановые волосы, полные губы и выпирающие скулы. Знала слегка заострившиеся уши, руки и ноги, ставшие совершеннее и сильнее. Все прежние смертные недостатки исчезли, сменившись едва заметным сиянием, что излучают тела бессмертных.

Я знала всю пустоту, отчаяние и порочность, написанные на этом лице.

На этот раз рука, сжимавшая кинжал, не дрожала.

Левой рукой я сжала плечо, ощутив под кожей тонкую кость, и посмотрела в ненавистное лицо — мое лицо.

Потом всадила рябиновый кинжал в сердце, ожидавшее удара.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ДОМ ЗВЕРЕЙ

ГЛАВА

1

Я успела добежать до отхожего места, где меня и вывернуло. Я обнимала холодные стенки горшка и исторгала из себя все, что съела накануне, стараясь особо не шуметь.

Единственным источником света в этой просторной комнате с мраморными стенами была луна. Ее лучи струились через окно, а меня продолжало тошнить. Хвала богам, что сравнительно тихо.

Когда меня рывком выбросило из сна, Тамлин даже не шевельнулся. Поначалу я не поняла, где нахожусь, не в силах отличить темноту своей комнаты от вечной ночи в подземной тюрьме Амаранты. Холодный пот, покрывавший мое тело, был липким, как кровь тех фэйцев. Сообразив, что я все-таки дома, я поспешила в купальню.

Я присидела там минут пятнадцать, терпеливо дожидаясь, когда затихнут позывы на рвоту и меня перестанет лихорадить.

Дышалось все еще с трудом, и я не отваживалась поднять голову от мраморного горшка. Я старалась успокоить дыхание. Мне всего лишь приснился кошмарный сон. Один из многих кошмаров, нынче преследовавших меня во сне и наяву.

Со времени событий в Подгорье прошло три месяца. Три месяца приспособления к бессмертному телу и миру. Мир, разнесенный Амарантой на куски, стремился обрести былую цельность.

Я сосредоточилась на дыхании. Вдох через нос, выдох через рот. Снова и снова.

Убедившись, что позывы прекратились, я подняла голову, выпрямилась и прошла к соседней стене. Встала у окна с треснувшим стеклом, — следы разгрома, учиненного подручными Амаранты в нашем доме, попадались на каждом шагу. Прохладный ветер, проникавший сквозь трещины, приятно

холодил липкое от пота лицо. Я села на пол, уперлась головой в стену, а руками — в холодные мраморные плитки. Они были настоящими.

Мир вокруг меня тоже был настоящий. Я осталась в живых. Я совершила невозможное.

Если только это не сон — не один из лихорадочных снов, посещавших меня в застенках Амаранты. Тогда я проснусь в своей камере и...

Я подтянула колени к груди. Все вокруг меня — настоящее. Настоящее.

Я произносила эти слова вслух до тех пор, пока не разжались руки, обхватывающие колени. Тогда я подняла голову, а пальцы сжала в кулаки, да так сильно, что ладоням стало больно от впившихся ногтей.

Сила бессмертного тела — в большей степени проклятие, нежели дар. Вернувшись в поместье Тамлина, я три дня подряд развлекалась тем, что гнула и сворачивала в бараний рог все ложки, вилки и ножи, которые попадались под руку. К тому же мои ноги, став длиннее и быстрее, без конца спотыкались. Кончилось тем, что Асилла убрала из комнат, где я появлялась, все мало-мальски ценное. До сих пор помню ее ворчание, когда я опрокинула стол с вазой почтенного восьмисотлетнего возраста. Вдобавок я расколотила пять стеклянных дверей, и все лишь потому, что закрывала их с излишней силой.

Шмыгнув носом, я разжала пальцы.

Моя правая рука была длинной и гладкой. Совершенно фэйской. А вот левая...

Я вытянула левую руку. Темно-синие узоры татуировки, казавшиеся сейчас почти черными, покрывали пальцы, запястье, тянулись до локтя и словно втягивали в себя тьму помещения. Глаз, татуированный на ладони, постоянно следил за мной, и я к этому почти привыкла. Он напоминал кошачий: такой же спокойный и себе на уме. Днем зрачок этого глаза сужался, а в темноте, как сейчас, — расширялся. Со всем как у обычного живого глаза.

Я хмуро посмотрела на глаз и на того, кто мог через него за мною наблюдать.

За все три месяца жизни в нашем поместье я ничего не слышала о Ризе — так про себя я стала называть Ризанда.

Ни единого случайно оброненного слова. Я не осмеливалась спрашивать Тамлина, Ласэна или кого-нибудь еще, чтобы ненароком не обратить на себя внимание верховного правителя Двора ночи и не напомнить ему о дурацком уговоре, который заключила с ним в Подгорье. Я тогда умирала от раны в руке — и, скорее всего, умерла бы, если бы не Риз. Он спас и меня, и руку, но за это я согласилась проводить с ним одну неделю в месяц.

Но даже если Риз «чудесным» образом забыл о нашем уговоре, моя левая рука напоминала о нем постоянно. Думаю, Тамлин с Ласэном тоже помнили, хотя вслух ничего не говорили.

Даже если Риз, в конце концов... даже если он и не был моим злейшим врагом...

Но Тамлин считал его своим врагом. Да и другие дворы тоже. Считанные единицы достигали границ Двора ночи и оставались в живых. Никто толком не знал, что находится на самой северной оконечности громадного острова Притиания.

Горы и тьма, звезды и смерть.

Однако я не считала Ризанда таким уж врагом, особенно если вспомнить наш последний разговор спустя всего несколько часов после убийства Амаранты. Разговор был достаточно откровенным, и потому ни Тамлин, ни кто-либо еще о нем не знали.

«Радуйся, Фейра, что твое сердце осталось человеческим. И пожалей тех, кто вообще ничего не чувствует», — сказал он мне тогда.

Я сжала пальцы левой руки в кулак, скрыв «недремлющее око». Потом встала, подошла к умывальнику, смыла с лица пот и прополоскала рот.

Я очень хотела перестать что-либо чувствовать.

Я очень хотела, чтобы мое сердце, как и все тело, претерпело изменения и превратилось в кусок бессмертного мрамора. Однако сердце мое меняться не желало и напоминало исполосованный клочок тьмы, сочащийся гноем и отравлявший все внутри.

Когда я вернулась в спальню, Тамлин продолжал мирно посапывать. Его обнаженное тело лежало поперек кровати. Я залюбовалась сильными мышцами его спины, красиво подсвеченными луной, золотистыми волосами, разметавшими-

ся во сне. Его пальцами, которые я кусала и щипала во время недавних любовных утех.

Все, что я сделала с собой, я сделала ради него. Я с радостью сокрушила себя и свою бессмертную душу.

А теперь мне предстояло целую вечность жить в этом состоянии.

Я шла к кровати. Мои шаги становились все тяжелее и грузнее. Простыни успели высохнуть и остыть, я скользнула в постель, повернулась к Тамлину спиной и обхватила себя руками. Тамлин дышал ровно и глубоко. Но со своими фэйскими ушами... Иногда мне казалось, что я улавливаю малейшую задержку в его дыхании, даже если та длилась доли секунды. У меня не хватало духу спросить, спит ли он или проснулся и лежит, притворяясь спящим.

За все ночи, в которые очередной кошмар вышибал меня из сна, Тамлин ни разу не проснулся. Наверное, он все-таки не слышал, как меня выворачивает по ночам. А если слышал и знал, то предпочитал молчать.

Схожие кошмары мучили и его, причем не реже, чем меня. Когда это случилось с ним впервые, я проснулась и попыталась заговорить. Тамлин оттолкнул мою руку. Его кожа была липкой от пота. Потом он принял свой звериный облик — вмиг вырастив мех, когти, рога и клыки — и провел остаток ночи на полу возле кровати, следя за дверью и окнами.

Потом у Тамлина было еще много похожих ночей.

Я свернулась калачиком, натянув одеяло почти на нос. Ночь стояла холодная, а мне хотелось тепла. Между мною и Тамлином возникла негласная договоренность: ни в коем случае не признаваться, что Амаранта по-прежнему терзает нас ночью и днем. Тело самозванной королевы сожгли на костре, но мы не хотели, чтобы ее дух чувствовал себя победителем.

Отпавшая необходимость объясняться облегчила жизнь нам обоим. Я могла не рассказывать Тамлину то, о чем мне было тяжело говорить. Я освободила его, спасла его подданных и всю Притианию от Амаранты, но... разбила себя на множество кусков.

Сомневаюсь, что мне хватит вечности, чтобы собрать все куски воедино.

ГЛАВА

2

— Я тоже хочу поехать.

— Нет.

Я скрестила руки, накрыв правой бóльшую часть татуированной левой, и слегка расставила ноги, словно намеревалась сражаться. Разговаривали мы в конюшне.

— За три месяца ничего не случилось. До деревни всего полторы лиги.

— Нет.

Время двигалось к полудню. Сквозь открытые двери в конюшню лился яркий солнечный свет, подсвечивая золотистые волосы Тамлина. Верховный правитель Двора весны застегивал на груди перевязь, плотно набитую кинжалами. Его лицо, красивое суровой мужской красотой, — такое, как я себе и представляла, пока он ходил в маске, — было предельно серьезным. Губы — плотно сжатыми.

Кобыла Ласэна — светлая, в крупных серых яблоках — нетерпеливо перебирала ногами. Ласэн уже сидел в седле, как и трое дозорных из фэйской знати. Услышав мои слова, Ласэн предостерегающе покачал головой, сощутив металлический глаз. «Не серди его», — без слов говорил мне Ласэн.

Покончив с перевязью, Тамлин направился к своему черному жеребцу. Я скрипнула зубами и пошла следом.

— Деревня нуждается в помощи. Мои руки не будут там лишними.

— Не забывай, что мы до сих пор вынуждены охотиться на зверье Амаранты, — сказал Тамлин, мгновенно оказавшись в седле.

Иногда я думала: зачем ему лошадь? Для поддержания видимости, что он, подобно остальным, не умеет передвигаться иным способом? Но ведь это не так. Тамлин способен бежать быстрее любой лошади. Я не раз говорила ему, что он

живет одной ногой в лесу. Сейчас глаза Тамлина напоминали две зеленые льдинки.

— У меня нет лишних дозорных для твоего сопровождения, — сказал он, трогая поводья.

— Мне не нужно сопровождение, — возразила я, хватаясь за поводья.

Я вынудила жеребца остановиться. Золотое кольцо на моем пальце, украшенное квадратным изумрудом, блеснуло на солнце.

Подарок Тамлина по случаю нашей помолвки. Предложение он мне сделал два месяца назад. Дни и вечера превратились в нескончаемые торжества с обилием цветов, нарядов, гостей и яств. Неделю назад я получила краткую передышку. Наступил день зимнего солнцестояния. Я переоделась из шелков и кружев в хвойные ветви и гирлянды из листьев. По сути, я меняла один праздник на другой, и все же перемена внесла некоторое разнообразие.

Празднование зимнего солнцестояния длилось три дня и изобиловало угощением и выпивкой. Все делали друг другу небольшие подарки. Самую длинную ночь мы провели на вершине холма, перейдя из старого года в новый, когда солнце «умерло», чтобы утром «родиться» заново. Во всяком случае, смысл церемонии был таким. Зимнее солнцестояние праздновалось в краю вечной весны! Ха. Впрочем, даже сей забавный факт не прибавил мне желания веселиться. Видно, я не рождена для праздников. Они утомляют куда сильнее, чем будни.

Я не особо вслушивалась в рассказы о том, где и как появился этот праздник. Однако фэйцы азартно спорили. Одни утверждали, что праздник родился при Дворе зимы, другие — при Дворе дня, и каждая сторона называла его самым святым из всех торжеств. Я лишь понимала, что мне нужно выдержать две церемонии подряд. Первая начиналась с заходом солнца. На холмах полыхали костры. Гости выпивали, танцевали, обменивались подарками, устраивая своеобразные поминки по умершему солнцу. А потом, когда глаза слипались от бессонной ночи, а ноги болели от танцев вокруг костра, нужно было приветствовать рождение солнца и наступление нового года.

Хуже всего, что мое положение требовало находиться среди знати, не забывая и о фэйри из низших сословий. Тамлин в это время произносил нескончаемые тосты. Я благо-разумно умолчала, что на самую длинную ночь приходился и момент моего рождения. Я и так получила более чем достаточно подарков. А сколько еще их преподнесут мне на свадьбу! Как и прежде, я не нуждалась в большом количестве вещей.

До свадьбы оставалось всего две недели. Я чувствовала: мне обязательно нужно вырваться из поместья. Я устала тратить деньги Тамлина и ловить на себе подобострастные взгляды фэйри и фэйцев.

— Тамлин, возьми меня с собой. Жизнь деревень возрождается не так быстро, как хотелось бы. Я могу пригодиться. Я еще не разучилась охотиться. Я могу добыть пищу для жителей деревни. Она там не лишняя.

— Там небезопасно, — отрезал Тамлин, вновь трогая поводья.

Даже в сумраке конюшни черная шкура жеребца блестела, как зеркало.

— А для тебя — особенно небезопасно, — добавил он.

Этот разговор у нас возникал не впервые и всегда заканчивался одной и той же фразой. И всего-то я просила позволить мне отправиться в ближайшую фэйскую деревню, которую Амаранта когда-то сожгла дотла и которая теперь восстанавливалась.

Я шагала рядом с его конем, и мы вышли наружу. День выдался безоблачный, слабый ветерок играл высокими травами на склонах окрестных холмов.

— Фэйцы хотят вернуться в родные края. Им сейчас нужна любая пара рук, готовых помочь.

— Пойми же ты наконец: эти фэйцы видят в тебе благословение. Ты для них — символ новой жизни. Если с тобой вдруг что-то случится...

Тамлин резко оборвал фразу и остановился у тропы, что вела в восточные леса. Ласэн дожидался его в нескольких локтях.

— Бесполезно что-то строить, если зверье Амаранты совершает набеги на наши земли и все крушит.

— Но охранительные заклинания...

— Некоторым тварям удается прошмыгнуть раньше, чем мы накладываем новые заклинания в местах прорывов. Не далее как вчера Ласэн уложил пятерых нагов.

Я посмотрела на Ласэна. Тот дернулся. Вчера за обедом он и словом не обмолвился о своем приключении. Когда я спросила, почему он прихрамывает, Ласэн мне соврал. У меня свело желудок. Не из-за вранья. Из-за нагов. Иногда мне снилось, как я убиваю их, а на меня хлещет кровь. Я и сейчас видела ухмыляющиеся змееподобные морды нагов, которые пытались расправиться со мною в западных лесах. Тех тоже было пятеро.

— Пойми, у меня есть очень важные дела. Но я не смогу их выполнять, если постоянно буду думать, не грозит ли тебе беда.

— Никакая беда мне не грозит.

Я же теперь фэйка. Я стала быстрее и сильнее, чем была в смертном теле. Случись что, я легко скроюсь от беды.

— Прошу тебя, сделай это хотя бы для меня, — сказал Тамлин, поглаживая шею истомившегося жеребца.

Его спутники уже двигались к лесу, а самый первый почти достиг лесной кромки. Тамлин кивнул в сторону белых стен поместья:

— У тебя наверняка найдутся дела дома. Или — займись живописью. Опробуй новые краски и кисти, что я тебе подарил на день зимнего солнцестояния.

Дома меня ждали нескончаемые приготовления к свадьбе. Асилла не подпускала меня ни к каким другим делам. И не только из-за того, кем я была и кем вскоре стану для Тамлина... Из-за того, что я сделала лично для нее, для ее мальчишек и для всей Притиании. Кое-кто из служанок, увидев меня в коридоре, и сейчас еще заливался слезами благодарности. Что же касается живописи...

— Конечно, — прошептала я, заставив себя посмотреть Тамлину в глаза и улыбнуться. — Будь осторожен, — добавила я с тревогой.

Одна мысль о том, что Тамлин отправлялся охотиться на чудовищ, некогда служивших Амаранте...

— Я люблю тебя, — тихо произнес Тамлин.

Я кивнула и повторила те же слова. Тамлин поспешил к дожидавшемуся его Ласэну. Посланник верховного правителя слегка хмурился, недовольный задержкой. Я не стала смотреть, когда всадники скроются из виду, и пошла обратно.

Мне было некуда спешить. Я брела по садам и тропинкам, окаймленным живой изгородью. Над головой весело чирикали весенние птицы, а под ногами моих легких туфельек хрустели камешки.

По правде говоря, я терпеть не могла светлых платьев, ставших моей повседневной одеждой. Однако у меня не хватало духу сказать об этом Тамлину; особенно когда он накупил целый ворох подобных платьев и весь светился от радости, видя меня каждый раз в новом наряде. К тому же в его упорстве был смысл. Если я облачусь в привычные мне штаны и рубашку, надену камзол и вместо драгоценностей обвешусь оружием, и здесь, и в других уголках Притиании это расценят соответствующим образом. И потому я наряжалась в платья и позволяла Асилле возиться с моими волосами. Если это дарило фэйцам и фэйри спокойствие и уверенность, что ж, они заслужили такой подарок.

Тамлин хотя бы не возражал против кинжала, который висел у меня на поясе, украшенном драгоценными камнями. Пояс и кинжал были подарками Ласэна. Кинжал он подарил мне за несколько месяцев до плена у Амаранты, а пояс — через несколько недель после падения самозванной королевы. И кинжал стал частью моего повседневного арсенала. «Даже вооруженная до зубов, ты остаешься прекрасной», — сказал мне тогда Ласэн.

Но даже если в этих краях установится настоящее спокойствие, сомневаюсь, что и через сто лет, проснувшись поутру, я не прицеплю к поясу кинжал.

Сто лет. Подумать только.

Да, меня ожидали века жизни. Века рядом с Тамлином, в прекрасном тихом месте. Возможно, когда-нибудь я привыкну к фэйскому бессмертию. А может, и нет.

Наш дом стоял в окружении роз. Его стены увивал плющ. Возле лестницы, ведущей ко входу, я остановилась и мельком взглянула на окна справа. Их тоже окружали цветущие кусты роз.

Это были окна моей живописной мастерской. В прежней, смертной жизни я могла днями не вылезать оттуда.

Вернувшись из Подгорья, я заглянула в мастерскую всего один раз. Краски, кисти, холсты терпеливо ждали, когда я начну запечатлевать пережитое вперемешку со своими мечтами и фантазиями. Все то, к чему я так жадно тянулась, теперь вызывало у меня... отвращение.

Помню, зайдя в мастерскую, я через считанные минуты вышла оттуда и больше не возвращалась.

Я перестала запоминать оттенки цвета, интересоваться формой предметов. Не знаю почему, но меня больше не восхищали картины, висевшие в коридорах и собранные в галерее. Я вообще старалась на них не смотреть.

Меня окликнули. Из открытых дверей донесся мелодичный женский голос. Тяжесть, давившая мне на плечи, чуть ослабила хватку.

Ианта. Верховная жрица, фэйка знатного происхождения и подруга детства Тамлина. Она взяла на себя все хлопоты по устройству нашей свадьбы. Против этого я не возражала. Но мне совсем не нравилась ее готовность поклоняться мне и Тамлину, словно мы — новоиспеченные боги, избранные и благословленные Котлом.

Впрочем, я не жаловалась. Ианта прекрасно знала придворную жизнь, равно как и жизнь за пределами двора. Во время обедов и официальных празднеств она садилась рядом со мной и подробно рассказывала обо всех гостях. Только благодаря ей я выдержала «водоворот веселья», сопровождавший празднование дня зимнего солнцестояния. Ианта взяла в свои руки управление всеми церемониями. Я была только рада предоставить ей решать, какими ветвями и гирляндами украшать дом и все прочие места празднования. Конечно же, она гораздо лучше меня знала, как накрыть столы и какая посуда приличествует тому или иному пиршеству.

Если Тамлин оплачивал мои многочисленные наряды, Ианта занималась их выбором. Она была настоящим сердцем народа фэ. Казалось, сама Богиня простерла к ней длань, повелев вывести фэйцев из мрака и отчаяния к свету.

У меня не было причин сомневаться в этом. Ианта еще ни разу не дала мне дурного или опрометчивого совета. Мне

остро недоставало ее в те дни, когда она была занята в храме, принимая паломников и наставляя учениц. Сегодня я особенно радовалась ей. Мне не хотелось оставаться наедине со своими мыслями.

Приподняв подол тонкого прозрачного платья цвета утренней зари, я взбежала по мраморным ступеням на крыльцо дома.

Ничего, в следующий раз я сумею уломать Тамлина, и он позволит мне отправиться в деревню.

— Ни в коем случае нельзя допустить, чтобы она села рядом с ним. Они же порвут друг друга в клочья. У нас все скатерти будут залиты кровью, — заявила Ианта.

Она взялась за край своего бледно-серого, с голубым отливом капюшона и насупила брови. На лбу сморщилась тагуировка, изображавшая фазы луны. Схватив перо, Ианта вычеркнула имя гостыи, ею же занесенное в список минутой ранее.

В комнате, где мы сидели, было жарко. Даже ветерок, дувший из открытых окон, не давал прохлады. Однако Ианта и не думала откидывать капюшон.

Все верховные жрицы носили просторные одеяния, изобилующие прихотливыми оборками и кружевами, хотя их тела отнюдь не отличались дородностью. Худенькую талию Ианты стягивал тонкий пояс из прозрачных камней небесно-голубого цвета, обрамленных в серебро. Все камни — совершенной овальной формы. Поверх капюшона у нее был надет тонкий серебряный обруч с большим камнем посередине. Обруч удерживал в свернутом состоянии нечто вроде платка или... даже не знаю, как назвать этот предмет ее облачения. Когда Ианте требовалось помолиться, обратиться к Котлу или Матери или просто о чем-то подумать, она разворачивала платок, прикрывая себе лоб и глаза.

Однажды Ианта развернула платок, оставив открытыми только нос и чувственные губы. Ритуал именовался «Глас Котла», и не скажу, чтобы зрелище мне понравилось. Платок, как бы он ни назывался, превращал энергичную, остроумную фэйку в подобие говорящей статуи. К счастью, Ианта больше не разворачивала его в моем присутствии. Иногда

она вообще снимала обруч и откидывала капюшон, позволяя солнцу играть ее длинными, слегка вьющимися золотистыми волосами.

Перо на мгновение застыло в изящных пальцах с длинными заостренными ногтями. Ианта была равнодушна к серебру, о чем свидетельствовали многочисленные кольца на ее пальцах. Выбрав другую кандидатуру, верховная жрица вписала имя поверх зачеркнутого.

— Это что-то вроде игры, — сказала она, поводя вздернутым носом. — Только жестокой. Все участники жаждут власти и возможности подавлять других. Если понадобится, готовы и кровь пролить. Должно быть, тебе непросто ко всему этому приспособиться.

Богатство и внешний блеск не мешали фэйской знати оставаться свирепыми и дикими. Это вам не слабая, хихикающая знать смертного мира. Уж если фэйцы враждуют, то вражда кончится не раньше, чем противника разорвут в кровавые клочья. Причем не в переносном, а в самом прямом смысле.

Когда-то я бы дрожала, боясь сесть с ними за один стол.

Я сгибала и разгибала пальцы левой руки, наблюдая, как меняются узоры татуировки.

Теперь я могу не только сидеть рядом с ними, но и сражаться против них. К счастью, пока такой необходимости не возникало.

Каждый мой шаг, каждое движение были на виду, становясь предметом не только наблюдения, но и обсуждения. Зачем невесте верховного правителя учиться премудростям сражения, если в Притианию вернулся мир? Такой довод привела мне Ианта, когда за обедом я по ошибке ляпнула об этом. Надо отдать должное Тамлину: зная нравы соплеменников и мой характер, он нашел компромисс — сказал, что я хочу обучиться самозащите... Тем не менее слухи уже расползались.

— Люди немногим лучше, — наконец ответила я Ианте.

Поскольку Ианта была одной из немногих, кто меня не боялся и не впадал в ступор от моих слов, я поспешила добавить:

ОГЛАВЛЕНИЕ

Часть первая. ДОМ ЗВЕРЕЙ	11
Часть вторая. ДОМ ВЕТРА	157
Часть третья. ДОМ ТУМАНА	565

Маас С. Дж.

М 12 Королевство гнева и тумана : роман / Сара Дж. Маас ; пер. с англ. И. Иванова. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2017. — 704 с. — (Lady Fantasy).

ISBN 978-5-389-12106-5

Фейра уже не та простая смертная девушка, какой была на землях людей. Здесь, в Притиании, она обрела бессмертие, развила магические способности, ее возлюбленный — верховный правитель Двора весны, и скоро состоится их свадьба. Но когда-то она заключила договор с правителем Двора ночи и обязана неделю каждого месяца проводить в соседних владениях, о которых идет недобрая слава. Между тем владыка Сонного королевства, давний враг Притиании и мира людей, готовит вторжение на их земли. В его руках мощный артефакт, давший когда-то жизнь всему миру и способный оживлять мертвых. Противостоять его силе может лишь Книга дуновений, и Фейра делает все возможное и невозможное, чтобы заполнить Книгу.

Впервые на русском языке продолжение романа Сары Дж. Маас «Королевство шипов и роз»!

УДК 821.111(73)

ББК 84(7Coe)-445

САРА ДЖ. МААС
КОРОЛЕВСТВО ГНЕВА И ТУМАНА

Ответственный редактор Александр Етоев
Редактор Юлианна Лебединская
Художественный редактор Виктория Манацкова
Технический редактор Татьяна Тихомирова
Компьютерная верстка Светланы Шведовой
Корректоры Наталья Хуторная, Анастасия Келле-Пелле
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 04.04.2017. Формат издания 84 × 108 ¹/₃₂.
Печать офсетная. Тираж 4000 экз. Усл. печ. л. 36,96. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

18+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
119334, г. Москва, 5-й Донской проезд, д. 15, стр. 4
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
04073, г. Киев, Московский пр., д. 6 (2-й этаж)
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19

E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге: Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60. E-mail: trade@azbooka.spb.ru

В Киеве: ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»

Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах
на сайтах: www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors/

HALF2013801R